

А. П. ЧЕХОВ В НАШИ ДНИ

Статья А. Дунаевского

Никому не придет в голову сомневаться в огромном значении Чехова для его времени.

К концу своей жизни Чехов был едва ли не самым популярным писателем в России, уступая разве только Толстому, и

стоял на одном уровне с Горьким и Короленко.

При этом влияние его было особенно велико именно на интеллигенцию, о которой он так много писал и для которой он писал все, что писал вообще. Вся массовая

интеллигенция любила Чехова больше даже, чем Горького, который некоторыми своими тенденциями отпугивал ее, чем Толстого, который был слишком специален, и опять-таки несколько отчуждал от себя нетолстовскую интеллигенцию, и чем Короленко, который к этому времени стал цениться больше, как человек исключительной общественной совести, как глубокий публицист, но не мог уже равняться с Чеховым по продуктивности и отзывчивости в области художественной литературы.

Если мы спросим себя, однако, насколько положительным было влияние Чехова, то тут могут встретиться сомнения; во всяком случае, было бы неправильным какое бы то ни было слишком суммарное суждение. Чехов начал как писатель аполитичный, при чем к его гражданскому безразличию примешивалось какое-то чрезмерное раздражение по отношению к шестидесятиникам, либералам и т. д. Чехов как будто бы потому и раздражался на этих представителей прогрессивной политической мысли, что сам не был уверен в правильности такой своей „обывательской“ позиции. Позднее политическая ориентация его изменилась, он сам перешел в ряды прогрессистов, и не только в политическом отношении: достаточно ярко высказался он и против всякой религии, в том числе и толстовской, за прогресс, науку, материалистическое разрешение всяких проблем жизни. К концу своего существования Чехов стал проявлять даже некоторые признаки предчувствия революции и сочувствия ей, хотя, вероятно, революция рисовалась ему скорей в ее февральском облике, чем в октябрьском.

Весьма возможно, что политически, доживи Чехов до наших дней, он занял бы позицию, приблизительно подобную позиции Короленко.

Из всего этого видно, что Чехов не может рассматриваться как политический воспитатель левых или хотя бы даже центристских групп нашей интеллигенции. Но, конечно, дело социального служения писателя отнюдь не сводится только к политике, в особенности в такое время, когда подлинная плодотворная политика была еще под землей, а политика, расцветавшая на белом свете, была в достаточной мере убогой.

А. П. Чехов в 1880 году

Чехов с чрезвычайным вниманием присматривался к быту окружавшей его среды. Взгляды его в этом отношении были не только зорки, но и широки. Правда, меньше всего уделял он внимания рабочему, которого не дооценил и не понимал, но зато помещики, буржуазия, мелкие чиновники,

как у Гоголя. Смех этот в большинстве случаев относится к области юмора, т. е. к области снисходительности, вызываемой либо пониманием причин, либо пониманием внутренней мелкости фактов, возбуждающих в нас чувство противодействия.

Дом д-ра Корисеева на Кудринской площади, в Москве, где несколько лет жил А. П. Чехов

духовенство, ремесленники и крестьяне, — все нашли в его произведениях чрезвычайно тонкое и правдивое изображение.

У Чехова, как общественного художника, было три основных творческих приема, к которым прибавлялся еще один прием — формальный, тоже не лишенный интереса.

Жизнь интересовала Чехова, Чехов любил жизнь, любил природу и хотел любить человека, но, развернувшись в пасмурное время, он нашел человека искалеченным и глубоко этим огорчился. Сначала искалеченность эта — приблизительно так же, как и у Гоголя, — вызывала в нем только смешливость; но постепенно смех его становился все более задумчивым, и под смехом этим для чуткого уха прозвучали, как и под гоголевским смехом, слезы.

Все три главных художественных приема Чехова являются, в сущности говоря, способами посчитаться с действительностью, подытожить свои отношения к ней, найти какое-то равновесие.

Первым приемом был реализм, необычайная правдивость изображения. Чехов, как художник, конечно, никогда не давал фотографий отдельных явлений; он суммировал, типизировал их, но всячески старался, чтобы эти синтетические типы были полны жизни, чтобы в них не было примысла, чтобы они служили подлинному полнению человеческой фауны его времени.

Такая правдивость шла рука об руку с общим умственным складом Чехова, который был врач до глубины души, имел в себе глубокий отпечаток человека науки. Анатолий Франс писал как-то, что жизнь очень печальна и что, пожалуй, не стоило бы продолжать существование, если бы не было жгучего чувства любопытства, которое толкает наблюдать эту печальную, но разнообразную жизнь.

У Чехова тоже имелась такая потка исследователя. Он находил огромное удовольствие в том, чтобы своими художественными методами квалифицировать, приводить в порядок, осознать для себя окружающий его уродливый мир.

Вторым приемом Чехова был тот смех, о котором мы уже несколько упомянули. Смех у Чехова редко бывает бичующим, как у Щедрина, и хотя бы даже колющим,

У Чехова смех, с одной стороны, осуждал, отбрасывал ужасные мелочи, полагал подняться над ними в сознании собственного своего превосходства, а с другой стороны — как бы примирял с ними. Его формула: что же тут поделаешь, — остается только посмеяться над этими мелочисками, которые опутали весь быт.

Третьим приемом Чехова была его печаль. Это тоже не какой-нибудь крик отчаяния, как у Андреева, не какой-нибудь мизантропия или пессимизм, которого так много даже у упомянутого нами Анатолия Франса, — это действительно глубокая печаль человека, который, сознавая, что жизнь может быть великолепной, и надеясь на то, что когда-нибудь прекрасная жизнь восторжествует на земле, чувствует себя оторванным на десятилетия и даже на столетие от этого счастливого будущего, чувствует себя и себе подобных заблудившимися в безвременьи.

И опять-таки этот прием выражается в формуле: что же делать? Борьбей сил нет, рыдать, биться головою о стену, — зачем?

Все это, конечно, очень печально. Ну, давайте споем песенку о нашей печали.

Красивы чеховские образы печальников и печальниц, отдельные превосходные страницы полны элегических настроений. Все это как бы колыбельная песня для собственного своего взволнованного духа.

Так для своего времени Чехов был своеобразным примирителем, хотя и говорил о жизни правду, смеялся над ней и тосковал по поводу нее. Делал все это он с великолепным талантом.

Тот формальный прием, о котором мы упомянули, был импрессионизмом, умением необычайно кратко и метко производить необходимый эффект в сознании читателя.

Творчество Чехова было, конечно, формой протеста против действительности, но протеста примиряющегося, не толкающего ни к отчаянию, ни к борьбе.

Однако, уже во времена Чехова наиболее молодые и энергичные классы перед лицом представляемых Чеховым пасмурных картин — негодовали. Их смех был бурный и презрительный, их печаль отравлялась гневом не только по отношению к отрицательным типам, но и к положительным, — да их слабости.

Вскоре пришло время, когда именно такие молодые элементы стали заправлять жизнью, сломали все устои мира, над которым работал Чехов, и открыли гигантские горизонты новой страны.

Что же теперь, как же этот своеобразный писатель может быть подведен к нашему времени? Нужен ли он нам?

Думается, что никто не будет спорить о нужности его как мастера. Чехов создал совершенно своеобразные приемы реалистического импрессионизма, мимо которых пролетарская революция пройти не может. Они, конечно, не будут доминирующими приемами, но они, несомненно, сыграют большую роль в вооружении нашей новой литературы.

Но и по содержанию своему Чехов оказался нам чрезвычайно современным. Это объясняется тем, что если, как я уже сказал, устои чеховского мира рухнули, то сам мир этот еще держится. Наша страна заплотнена развалинами старого; далеко не закончена еще и стройка нового. Вокруг нас еще немало старой пыли, плесени, старых грибов. Нужна гигантская и сложная социальная дезинфекция, чтобы вокруг нас и в нас самих уничтожить следы того безвременья, того поражения, того безволья, той карликовой обывательщины, тех уродств, которые смешили и печалили Чехова.

Враги Чехова еще живы. К сожалению, с ними еще приходится бороться, а поэтому жив и Чехов не только как большой писатель, а именно как борец.

Мы, конечно, откидываем его примиренчество, мы не станем грустно улыбаться над такими врагами. Он это делал, потому что был слаб, безоружен в свое время, а мы сильны и хорошо вооружены. Его улыбка превращается у нас в громкий колкий хохот, его печаль — во взрыв негодования. Но Чехов прекрасно показывает и до сих пор все разновидности обывательщины в городе и в деревне, и редко какой другой из наших писателей может служить таким свежим, таким зорким, таким без-

Домик А. П. Чехова в Таганроге

ошибочным путеводителем в царстве пережившего себя прошлого, которое нам нужно разрушить до тла, выжечь из быта.
А. Луначарский